

Илья Коган

УЛИЦА ГОРЬКОГО

Фантасмагория

Илья Коган

Улица Горького. Фантасмагория

«Издательские решения»

Коган И.

Улица Горького. Фантасмагория / И. Коган — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936063-2

Это повесть о невероятных приключениях жителей одной, не самой большой и не самой главной улицы подмосковного городка, повесть, в которой правда прячется под маской лукавого вымысла. Моя смешливая память уведет вас в далекое и суровое время, над которым лучше смеяться, чтобы не плакать. Переверните страницу — и за мной!

ISBN 978-5-44-936063-2

© Коган И.
© Издательские решения

Содержание

Улица Горького	6
Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Улица Горького Фантасмагория

Илья Коган

Редактор Елена Полякова

© Илья Коган, 2018

ISBN 978-5-4493-6063-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Улица Горького

Пролог

Северное Чертаново. Наши дни.

Ветер играет полосками жалюзи. Солнечный луч, пробиваясь сквозь окно, расщепляется на все положенные ему цвета. А за окном назойливо гудят торопящиеся за всякой ерундой машины. И только трамвай, словно громадный смычок, ползет по рельсам, заставляя их петь собственную песню. «Мы зна-аем, куда!.. Мы зна-аем, куда!..»

– Не отвлекайся! – говорю я себе. – Ты же уже все придумал! Осталось только записать!»

Я довольно потираю руки. И вспоминаю Высоцкого: «Меня сегодня муза посетила...». Ну да, и у меня – «посидела, посидела и...». И прошелестела простуженным голосом: «А чего б тебе не написать историю Анны Болейн?».

– А почему не про Чингачгука! – ответил я не очень интеллигентно.

– Про него уже и написано, и снято! – просипела муза нетерпеливо. – Ты давай про Анну!

Она подозрительно посмотрела на меня.

– Ты хоть знаешь про такую?

– Э...э... – смущенно заерзал я. – Я же делал фильм «История Средних веков». Но до Анны не дошел – деньги у фирмы кончились...

– Значит, ты чистый лист. *Tabula rasa*...

Повозившись за пазухой, моя гостья достала оттуда два яблока – а я-то думал, там что-то другое.

– Съешь! – предложила она. – Открой третий глаз!

Уж не знаю, какой там глаз открылся, но я увидел *Ее*. Не то чтобы красавицу: лицо продолговатое, худощавое, скулы высокие, рот узкий.

Не в моем вкусе... Но решительный подбородок. И глаза – черные, яркие. И чуть заметная улыбка.

А между тем я ел второе яблоко, и теперь к изображению добавился звук: словно диктор в голове озвучивал начерно смонтированный фильм:

– *Эта женщина перевернула историю целой страны, очаровала короля настолько, что ради нее он пошел наперекор Папе Римскому и поменял веру...*

Ого! Хороший подарок мне сделала муза. Прямо как Пушкину. Прямо хоть хватай гусиное перо и строчи на папирусе, на пергаменте, на бересте – на скрижалях, одним словом.

И вот пальцы опускаются на клавиатуру – от каждой руки по одному. Легко-легко поддаются клавиши. И на мониторе появляются черные и четкие слова.

«*Будильник, зараза, трезвонил ровно в семь. Киртича на него не было...*»

— Господи! Что это! Может, муза чего-то недоговорила, и путь к моей Анне лежит через реки и моря, через запад и восток, через дни и годы, нанизывая, словно мясо на шампур, бывшее и думы, дела давно минувших дней и рассказы речистых былинников.

Я подумал, подумал и махнул рукой по клавишам. Взвейтесь кострами, синие ночи, лейся, лейся, ключ отрадный, журчи, журчи свою мне быль. Пальцы полетели, подчиняясь импульсам подкорки, в голове застучало: «Отворитесь! Отопритесь!» и «А не то мы вам ворота разнесем!». И вошло Оно – отряхивая с себя венки и древесную труху, календарные страницы и целлулоидный серпантин запечатленных мгновений.

Я впустил на монитор прошлое.

Глава первая *Давным-давно.*

Будильник, зараза, трезвонил ровно в семь. Кирпича на него не было... И сразу же начали петь гудки. Солидный, басовитый – Триста четвертого завода. Пожиже – фабрики Петра Алексеева. И совсем тоненький – «Иголки». Кунцево звали на работу.

– За что? – каждый раз спрашивал я себя. – Почему я должен вставать в такую рань?

– Мне же в третью смену! – умолял я маму.

– Уроки делать! – мамин голос был беспощаднее заводского гудка.

В эту минуту мама казалась мне самым недобрым человеком на свете.

– Ну, еще минуточку! – зарывался я головой в подушку. – Еще чуть-чуть!

Но мама уже гремела посудой, уже пахло керосином, и шипел доходяга-примус. Брат Мишка, который спал рядом, на стульях, приставленных к дивану, острыми коленями расчищал себе путь к моему месту. Приходилось выбираться из-под груды наваленных на нас телогреек и торопливо натягивать тысячу одежек. Холодно же! Клацая зубами, я разбивал кружкой лед в ведре, черпал на донышко и слегка смачивал лицо, ухая, чтобы мама лучше прочувствовала. Не лето же!

– Какие зубы! – отмахивался я от нее. – Кто чистит зубы зимой!

Торопливо заглотав приготовленный мамой завтрак (а она вставала всякое утро, чтобы накормить меня), я доставал ненавистный учебник. И что же? Так я и знал! Меня уже поджидал бассейн с вливающейся и выливающейся водой. Какое мне до нее дело! Я и плавать-то не умел.

Мстительно обмакнув перо в непроливашку, я калякал прямо на странице учебника:

Ах, лейся, лейся, ключ отрадный!

Журчи, журчи свою мне бль...

Вот! Пусть знают! А то думают, будто Пушкин сидел перед фонтаном Бахчисарайского дворца и складывал столбиком литры и кубические метры.

Решительно затолкав учебники и тетрадки в парусиновую сумку, я объявлял:

– Пойду к Дорохину делать уроки!

Мама не возражала. Жалела нервы. И у нее давно уже было подозрение, что ее старший сын не самый умный на нашей улице. Но деловитый, деловитый. Вон как шустро напяливает на себя старенькое (ох, какое старенькое!) пальтишко и твердой рукой толкает заиндевелую дверь.

Только открыть дверь не каждый раз получалось. Наш дом стоял в низинке, и в оттепель талая вода подступала под самый порог. Ночью она замерзала, и тогда мама стучала в стенку соседа:

– Петя, отколупайте нас.

Дядя Петя Иванов стучал ломом, отплеываясь от ледяных брызг, и я протискивался в тощую щель. И становился одной из унылых теней, плетущихся на постылую работу.

В то утро я, как всегда, протиснулся в отколупленную дядей Петей щель и понуро поплелся к калитке. Снега было «по самое немогу», как говорил сосед. Снег хрустел под валенками, а иногда сыпался с сосновых веток. Прямо за воротник, зараза. Вместе с замерзшими иголками. Пахло морозом и лошадиными «яблоками». Видно старый Мендель проехал. Значит, опять колонка замерзла.

А на улице старик Обливанцев собачился со стариком Жолниным.

– Японский бог! – кричал Обливанцев. – Я тебе руки обломаю!

Как стояла, так и стоять будет!

– Ишь ты хозяин земли русской! – отвечал Жолнин.

– Куркуль проклятый! У тебя же снега зимой не выпросишь!

– Свой иметь надо!

Это у них вместо утренней зарядки было. И все из-за сосны, которую старик Жолнин норовил спилить. Потому что за нее платить надо было.

Это недавно придумали: налог на деревья, которые росли во дворах и на улице. За дворы платили хозяева. А за улицу все, кто на ней жил. Вот старик Жолнин и злобствовал.

– С какой это такой радости я должен платить за твою жердь!

– А с такой, что мои сыновья за твою жопу жизни положили!

Все знали, что до войны к сосне привязывали гамак для сыновей Обливанцева. Сыновья на войне погибли. Оба. А остатки гамака так на сосне и болтались.

– Оно, конечно, – подумал вслух сосед дядя Петя Иванов. – Память – дело святое. Только нет у нашей улицы денег. Ну, нет! И все тут!

– Все равно! – подала голос соседка тетя Маруся Курылева. – Надо же людьми быть!

– Люди те, у кого гроши есть! – услышала ее другая соседка, тетя Ханна Кракова. – А нам людьми быть не по карману!

Мне такие разговоры не нравились. Советская власть знает, что делает. Так нас учили в школе. И так по радио передавали.

Хотя, конечно, лишних денег ни у кого не было. Да и не лишних тоже. Жили бедно, как все после войны. Ну, может, чуть получше, чем мы с мамой. А тут еще эти деревья...

Я вспомнил, как мама по ночам кряхтела да охала. У нас ведь и было то всего две дохлых сливы. Зато вся улица была утыкана соснами. И дубы во дворе росли. Это сколько ж надо за них платить!

– Пилить! Пилить! – орал тем временем старик Жолнин. – А то как в лесу живем! Один скрип кругом!

А сосны, и правда, скрипели. Даже когда ветра не было. Но скрип этот был какой-то домашний. Как говорила мама, уютный.

Я посмотрел вверх. Сосны чуть качались и скрипели. А потом я посмотрел вниз. И вот те раз!

Протопанную в снегу тропинку лениво пересек кот. Мало того, что черный-пречерный, так он еще тащил в зубах здоровенную крысу.

– Кыш! – заорал я не своим голосом: свой-то еще не проснулся. – Пошел вон, Кышмыш! Пропади ты пропадом, окаянный!

Но кот хоть бы что. Плевать он на меня хотел. И на имя свое не откликнулся. Словно всем своим видом показывал: «В гробу я вас видел!».

Делать нечего. Пришлось обойти соседний дом, где жила подружка Карина. И потопать мимо «Вороньей слободки» – так Каринин папа почему-то называл деревянную двухэтажку, под завязку набитую разным народом. Там жили Михайловы, Бурлаки, Кирилловы – всякой твари по паре.

Я шел себе и шел, загребая снег ногами. И мне бы так идти и идти, сначала к Дорохину, потом в школу, потом домой, как каждый день получалось. Но сегодня что-то видно пошло не так. Потому что я вдруг услышал сначала какое-то карканье, а потом окрик:

– Пацан! Эй, пацан!

Смотрю, а на крыльце «Слободки» что-то черное. И оно каркает «Кра-кра-кра!». Еще смотрю, а это человек в черном ватнике, черной ушанке и с черным мешком за плечами. Сидит, согнувшись, и кашляет. Будто ворона каркает. Мне бы пройти мимо, да любопытство заело. Стою и смотрю. И не знаю, что это ключик поворачивается, и открывается дверь, в которую лучше бы даже голову не совать.

- Пацан! – снова позвал меня черный человек.
- Что-то мне говорило, что надо бежать, только ноги непослушно несли к крыльцу.
- Ты здешний? – спросил черный человек.
- Ну...
- Лапти гну!.. Скажи-ка, Бурлаки все еще в этом доме живут? На втором этаже?
- Ну...
- Кончай нукать!.. Поднимись лучше наверх и вызови Иру!
- А что сказать?
- Скажи, отец внизу ждет!
- Какой отец?

Весь двор знал, что Иркин отец без вести пропал. Они и письмо об этом получили. И по сто сорок рублей им платили. В месяц. На что активистка Ковалева каждый раз ворчала: – Знаем мы этих пропавших! Небось, в плену отсиживались!..

И вот он сидит на крыльце и кашляет. Живой. Правда, черный весь какой-то.

– Скажи, пусть мать подготовит!

Вообще-то я любил приносить новости. Помню, как в эвакуации тетка Фрима звенела выла, когда принесли похоронку на ее дядю Борю. А я быстренько-быстренько побежал на кладбище, где играли мои двоюродные сестры, и еще издали им кричал: – Жанка, Верка, вашего отца убили!

– Эй! – снова окликнул меня человек. – Ну, чего заснул! Ступай! – торопил он меня.

Деваться некуда – пополз я наверх. Не успел до двери добраться, навстречу мне Ирка с портфелем. В школу собралась.

- Ты куда? – спрашивает.
- Там к тебе мужик. Говорит, отец...
- Ой! Какой такой отец?
- Всамделишный! Велел тебя позвать.

– Мапочки! – Ирка аж портфель уронила. Вместе с непроливашкой в мешочке. Она что-то еще трендела про отца, который на фронте пропал, но я уже не слушал – смотрел как разливается по полу фиолетовое пятно.

– А потом и сестра Лида спустилась. И мама ихняя... Только она тут же на пол свалилась. Пришлось им ее отпаивать чем-то...

Это я уже активистке Ковалевой рассказывал. Вцепилась в меня, как только я со двора вышел. И давай приставать: что за черный человек? И о чем я с ним трепался?.. Мне бы язык прикусить, да она, зараза, знала, где мое больное место.

– Хочешь, чтобы я в школу пошла и рассказала, где на самом деле твой отец?

Да не хотел я! Конечно, не хотел!

Мой отец тоже считался пропавшим без вести. Так я в школе говорил. На самом-то деле... На самом-то деле он был... Ну, где он был на самом деле, я не мог сказать. Одно время классная приставала, почему я плачу за учебу, ведь дети погибших освобождены от платы. Но потом отстала – видно, о чем-то догадалась... А потом шелапут Головешка распустил слух, что мой отец – разведчик, работает в какой-то вражеской стране. Может, кто и поверил. А, может, нет...

– К Бурлакам, говоришь? – допытывалась Ковалиха. – Отец, говоришь? Интересное дело! Сбежал? Или отпустили? Это надо провентилировать!

Ишь, какое слово придумала! А глаза у самой загорелись. Как у кота Кышмыша, когда он на охоту выходил.

– Ты смотри, – говорит, – если что заметишь, сразу сигнализируй!

– Жди больше! – подумал я про себя. Хотя понимал, что отвязаться от Ковалихи будет ой как непросто! Даром что ли была она активисткой. «Беспартийной большевичкой», как себя называла. Да еще «красной косынкой». Потому как первой на митингах горло драла. И первой на займы подписывалась. У себя на почте, где работала. И на нашей улице. Следила, чтоб никто не отлынивал. А когда война началась, по домам ходила. Проверяла, все ли приемники сдали. И не слушает ли кто вражескую пропаганду.

– Усек? – ткнула она в меня пальцем. Чуть в глаз не попала. —

Ты ж, поди, уже комсомолец! Классового врага под землей чуют должен!

Комсомольцем я был целых два месяца. Осенью на комитете меня приняли. Хорошо, что про отца не спрашивали. А классовых врагов я, конечно, терпеть не мог. Когда по радио пели «Орленка», слезы на глаза наворачивались. Особенно на словах:

*Не хочется думать о смерти, поверь мне,
В шестнадцать мальчишеских лет.*

Зато потом меня что-то прямо приподнимало. И я во весь голос подхватывал:

*Орлёнок, орлёнок, идут эшелоны,
Победа борьбой решена.
У власти орлиной орлят миллионы,
И нами гордится страна!*

И я, правда, гордился. И не мог простить врагам гибель Чапаева. И по тыщу раз бегал в кино – смотреть, как два бойца лупят немецких фашистов.

Вот только считать Иркиного отца врагом у меня никак не получалось. Хоть он был черным-пречерным. И кашлял, как ворон. Но как он плакал, когда Иркина мать обнимала его. И как они втроем поднимали его по лестнице, и он еле-еле одолевал каждую ступеньку, и его мешок колотился по перилам. И как он на самом верху повернулся ко мне и прохрипел: – Хороший ты человек, пацан!

Какой же я хороший? Испугался Ковалиху, и все ей выложил. Что теперь будет? Какую пакость она устроит Бурлакам? И кем я буду после этого?

Нет. Что-то в нашем мире не так!

Только я подумал об этом, как ветер зашумел в соснах, и мне за воротник опять посыпался колючий снег. Под солнцем пробежала серая тучка, а потом опять стало светло. И как будто не так холодно.

Смотрю, а кот Кышмыш уже перебрался через улицу Горького и теперь протискивался во двор к моим теткам. Крыса свисала у него из зубов, и хвост ее подметал снег на нетоптаной дорожке.

– Ой! Что сейчас будет! – выдохнул я.

И точно. Кышмыш аккуратно опустил дохлую крысу на крылечко принялся в сторонке вылизывать шерсть, Вид у него был очень довольный. Добытчик как-никак.

Только долго гордиться собой ему не дали. Тетка Рейзл вышла из дома с помойным ведром.

– Гва-алт! Кры-ыс!

Ее крик разбудил галок, мирно дремавших на снежных ветках. Они заметались, как оглашенные, вопя на все Кунцево.

Но куда ж им было до моей тетки.

– Штинкенде кот! – орала она. – Гейт аруйс! Ин дрерд! Чтоб ты гешволн был! Я не знал, что такое «гешволн», но что кот вонючий и чтоб он провалился – это я понял.

– Бренен золст ду а файер!

– Это уже тетка Фрима пожелала Кышмышу гореть в огне.

– А рихн дайне тате! – помянула она его отца. Хорошо, что не мать.

– Вус? Вер? – прошамкала выглянувшая в дверь бабка Злата

Углядев крысу, она ухватила ее за хвост и метнула за забор – во двор соседей Жолниных. А старик Жолнин как раз возился там с охапкой дров. Не говоря худого, он ухватился за тот же хвост и шваркнул крысу дальше – во двор к Фетисенковым. Там Шурка Киселев отваливал сугроб от своего «Москвича».

– Крысы идут, – посмотрел он на небо. – А обещали снег.

Не долго думая, он подхватил дохлячку лопатой и метнул на улицу. И попал...

– Здравствуй, жопа, Новый год! – проворчал дядя Мешварг, отряхивая пальто и закидывая крысу через забор доктора Брука. Там кто-то завизжал – наверное, девочка Софа, доктора дочка.

А дядя Мешварг стал что-то втолковывать Шурке Киселеву, да так горячо, что Шурка даже метать снег перестал. Он слушал, а дядя Мешварг скакал вокруг него и руками подергивал, словно вожжи дергал.

– И куда это он скачет? – задумался вслух дядя Петя Иванов. И даже снег перестал разгребать.

– Не иначе, на бега его агитирует!

Вся улица знала, что сосед Мешварг ездит на бега и как-то там играет. И, видно, кое-что с этого имеет. Потому что его тетя Маня перестала торговать квасом на Можайке. А зимой нарядилась в теплую шубу.

– Цигейка! – поджав губы, сказала мама.

А, главное, налог за деревья он уплатил. За свои. А на уличные он еще не собрал. Дядя Петя вздохнул.

– Собьет он нашего Шурку с панталыку. Запросто. У того ведь и так ветер в голове!

Да бог с ним, с Шуркой! – подумал я. Мне сейчас не до него было. Я все не мог выбросить из головы Бурлака и Ковалиху. И свою трусость, которая, чует мое сердце, дорого кому-то обойдется. Думать-то я думал, а ноги переставлять не забывал. Надо же было идти к Дорохину. Уроки делать.

Глава вторая

Калитка у Дорохина была с секретом. Стоило открыть ее, и в доме трезвонил звонок. Чтобы все знали: кто-то идет. Это Женькин отец так придумал. Он же был на все руки мастер. Правда, у Женькиной мамы от наших звонков вечно голова болела.

Так что приходилось шустрить. Раз – и я на крылечке! Два – и уже топчусь в сенях, сбивая снег с валенок.

– А, титан мысли пришел! – встретил меня Женин брат Толик.

– Отец русской демократии! – ответил я ему.

Это у нас такой пароль был. Вместо «здрассти-до свиданья!» перекинуться парой знакомых строк. Он мне из «Золотого тельца». И я ему:

– Грузите апельсины бочками!

– Да ладно вам, книжечки! – остановил нас Женька. И сунул мне в руки какой-то болт с насаженной на него гайкой. Он знал мою привычку что-то крутить-вертеть. А потом доходчиво объяснил, на какой минуте пешеход догонит поезд, вышедший из пункта «А».

Только сегодня я плохо его понимал. Не то, чтобы полным придурком был. Так, на четвертинку. Да голова моя была забита другим.

– Ты чего смурной такой? – спросил Женька.

И я все ему и выложил. И про Иркиного отца, и про Ковалиху. И про ее приказ следить за Бурлаками.

– Да... – сказал брат Толик, слышавший мой рассказ. – Влип ты, как кур!.. А твой Бурлак, видать, из мест отдаленных прибыл.

– Из каких? – не понял Женька. Откуда ему было знать, его же отец не сидел.

Брат Толик чертил что-то на большом листе ватмана. Он только что окончил институт и работал архитектором. В какой-то конторе, как он говорил. А иногда и дома.

– А, может, у него минус? – подумал вслух Толик.

– Какой такой минус? – теперь уж не поняли ни Женька, ни я.

– Эх вы, темнота! Это когда людей отпускают, только запрещают им жить в городах. Кому – в трех. Кому – в десяти. А кому – в целых ста! Так и пишут: «минус сто!».

– Ничего себе! – присвистнул Женька.

А я испуганно спросил:

– Думаешь, Бурлак «минус сто»?.. Чего же делать?

– А ничего! – сказал Женька. – Без нас разберутся!

Брат Толик выглянул из-за своего ватмана и почему-то вздохнул:

– Комсомолец!..

А потом повернулся ко мне:

– Зайди потихоньку к ним и расскажи про Ковалиху!

– После школы, – обещал я.

Но, как говорила мама, человек предполагает...

– Хиксосы, стройся! – скомандовал историк Василь Васильевич. И придирчиво осмотрел нашу шеренгу.

– Равняйся!

Еще в пятом классе мы узнали, почему он называет нас хиксосами. Оказывается, племена хиксосов в каком-то затертом веке вторглись в Древний Египет и сколько-то там веков безобразничали в нем. Зато они научили египтян воевать на колесницах.

– Смирно! – громче прежнего проорал историк. – Обалдевать знаниями шагом марш!

И мы послушно потопали в дверь нашей мужской семилетки. Но я не успел в нее войти. Потому что Василь Васильевич взял меня за шкурку и прошипел:

– А ты – к директору!

На меня как будто потолок обвалился. За что? Что я такого сделал?

Николай Григорьевич не стал ничего объяснять. Он просто помахал перед моим носом бумажонкой с корявыми буквами.

– Твое?

Я только ниже опустил голову.

– Положи портфель и ступай за матерью!

Зря говорят: «Книга – источник знания». Для мелких пакостников это еще и способ вляпаться в очередную беду. Пару дней назад я дочитал книгу какого-то Яна «Батый». Очень там было завлекательное место, когда рабы восстали против то ли бухарского, то ли хорезмского шаха и вырвались из тюрьмы. Они сорвали с себя железные ошейники, на которых было выбито клеймо «Навеки и до смерти». Ошейники переделали в кинжалы, а к надписям добавили пять слов. Получилось: «Навеки и до смерти ненавидь шаха и его палачей». Во как!

Я не нашел ничего лучшего, чем запечатлеть на листочках запавшую в душу фразу. Правда, с небольшими изменениями. Но какими! «Навеки и до смерти ненавидь немку и ее палачей!». Уж не знаю, что плохого сделала мне бедная Ольга Никифоровна. Просто захотелось выпендриться. А Юрка Головань поплевал на мои листочки и прищлепал их к стенке. «Ничего страшного! – подумал я. – На Головешкиной слюне долго не провисят!».

Да вот беда. Головешкина слюна оказалась крепче всякого клея. Первоклашки, учившиеся в первую смену и уже умеющие читать, дружным хором долдонили на всю школу:

– Навеки и до смерти ненавидь немку и ее палачей!.. Навеки и до смерти ненавидь немку и ее палачей!

И так до посинения. Пока их радостный хор не долетел до учительской. Следствие было коротким: такой безобразный почерк имел только одного хозяина.

Николай Григорьевич славился своим умением вышибать слезу. Стоило очутиться перед ним даже самым отчаянным головорезам, как глаза их превращались в соленые фонтаны.

– Посмотрите на себя! – говорил он. – Где ваши отцы? В чистом поле ваши отцы! Только птицы кричат над ними... И что же они кричат? «Зря, кричат, положили вы жизнь за эту мелкую шпану!».

Где-то он находил такие слова...

Я хлюпал носом, честно признаваясь в зловредном влиянии татаро-монгольского Батыя. Книга, мол, попугала.

– Хм... Так ты читатель? – удивился директор.

– Читатель, читатель, – подхватила «русачка» Клавдия Ефимовна. – Думает, я не вижу, как он книгу под партой прячет. Прямо посреди урока!

Бедная мама только губами шлепала. Как рыба. Сказать-то ей было нечего. Меня и дома от книги было не оторвать. На все мамины просьбы сходить за водой или помойку вынести, я отвечал одно: «Сейчас! Сейчас дочитаю!». И не поднимался, пока мама на стену не лезла.

– А еще он дрова пилить не любит! – ябедничала «русачка». – Ребята вкалывают, а он в сторонке посвистывает...

Ну, уж это она загнула. Свистеть я тогда совсем не умел.

Всю дорогу домой мама молчала. Это было как-то не похоже на нее. В темноте я не видел ее лица и не мог понять, уж не плачет ли она? Только этого мне не хватало. И так муторно. Я все гадал, какие пакости ждут меня теперь. Ясно же, что навеки и до смерти мне по-немецкому больше двойки не светит. Стану я обмылком – вроде Мурнева, об которого только ленивый

ноги не вытирал. И друзья мои будут делать вид, что ничего страшного со мной не случилось и что обычное дело оставаться на второй год.

Мама долго не могла уснуть. Все крутилась и вздыхала. И бормотала:

– Айн гот веймс...

В смысле «один бог знает». А что «бог знает», не договаривала. Может, он знает, чем платить за деревья. Хотя вряд ли. Но одно точно: что из меня выйдет – один бог знает.

И мне не спалось. Не только из-за «навек и до смерти». Я вдруг вспомнил, что не зашел к Бурлакам и не предупредил их. Что-то теперь будет?

Утром я без маминого понукания вынес помойное ведро. Быстро шваркнул то, что там было, в мусорный ящик и рванул к «вороньей слободке». Поднялся по лестнице и постучал в дверь к Бурлакам. Сначала тихонько, чтобы соседи не слышали. Потом громче. Потом ногами. Потому что никто не открывал. «Спят что ли, сони? – подумал я. – Ирка же в первую смену учится!».

– Ты что, обалдел? – высунула голову Иркина сестра Лида. – У тебя горит?

И тут же пооткрывались двери у Кириловых, у Ефимовых, у Михайловых.

– Горит? Где горит? – загалдели соседи. Но Лида схватила меня за плечо и втащила в дверь.

– Ты к Ирке что ли? Так она давно ушла.

– Не-а... – замотал я головой. – К отцу.

– С чего это? Какие у тебя с ним дела?

– Надо!

– Валенки отряхни! – сунула она мне веник.

А тут и сама Рыбачиха вышла.

– Ранний гость, – говорит. – Тебе чего?

– Сказать надо.

– Ну, так говори!

– Не вам...

– А, пацан... – выполз из комнаты Бурлак. Сегодня он не был таким черным. И таким страшным. Просто каким-то усталым. Больным, наверное. И дымил «Беломориной». Как паровоз.

– Что хорошего скажешь?

– Да ничего...

Я хотел сказать: «ничего хорошего!» А сказал только:

– Ковалиха...

Он пожал плечами, но Бурлачиха и Лида сразу все поняли.

– Узнала, гадина! От кого?

У меня чуть не вырвалось мамино «Хвейс!». В смысле, «Я знаю?». Но успел спрятать глаза куда подальше. Во рту стало сухо-сухо. И смог чуть слышно выдать:

– У вас что – «минус сто»?

– Что? – в один голос спросили женщины. Но Бурлак только усмехнулся:

– Минус тридцать девять...

– Ковалиха будет копать! – догадалась Лида.

– Уезжать мне надо! – выдохнул дым Бурлак. – И поживее! И поглубже!

Но и жена, и дочь замахали на него руками:

– Тебе лечиться надо! А где ты там хороших врачей найдешь!

– Да уж как-нибудь...

Все трое завздыхали, загрузили. А я стал потихоньку пятиться к двери.

– А доктор Брук! – вдруг вырвалось у меня.

- Такой Брук один на всю страну, – вздохнула Бурлачиха.
- Спасибо, пацан! – проводил меня Бурлак. – А ты и, правда, хороший парень!
- На нашей улице все хорошие! – вырвалось у меня. Хотя и не особенно верил в это.

Дядя Петя Иванов, как всегда, возился со снегом. Этой зимой его было завались.

- Это что? – спросил он меня. – Бурлак домой заявился?

Я молча проглотил слюну.

- Сбежал? Или отпустили?

Я еще ниже опустил глаза.

- Как бы Ковалиха не проведала. А то быть беде на нашей улице!

Старик Обливанцев тоже расчищал тропинку возле своего крыльца. И тоже спросил:

- Сбежал? Или отпустили?

И тут же из двери выскочила Обливанчиха.

- Саша! Сережа! – приложила она ладонь козырьком ко лбу. – Пора и вам придти!

- Мамаша! – потащила ее обратно дочка Тоня. – Сколько раз говорено: не придут они!

Скажите спасибо, что хоть я вернулась!

У Обливанчихи в войну погибли два сына. Вот у нее крыша и съехала. А дочка Тоня выжила. Хотя тоже была на фронте. Во дворе ее так и звали: «фронтовичка».

– Японский бог! – проворчал старик Обливанцев. – Как бы этот враг рода человеческого не узнал!

«Это он про Жолнина!» – понял я.

Вечером к нам заявила тетя Ханна Кракова.

- Дора! – объявила она, – Вы слышали, к Бурлакам муж вернулся! А?.. Из лагеря, говорят.

В плену был, а потом отсиживал... Может, и мой тайерер Мося тоже где-нибудь...

Она не договорила. И мама только вздохнула:

- Хвейс...

А что она еще могла сказать. У тети Ханны Краковой воевали два сына. Леня вернулся, а Мося сгинул неизвестно где. Я хорошо его помнил. Он ходил, наклонив голову набок. Мне почему-то тоже нравилось ходить так. И бормотать какие-то стихи. Как он.

И еще тетя Кракова спросила:

- Вы таки будете платить этот налог?

- Таки да, чтобы таки нет, – непонятно ответила мама. Но тетя Ханна Кракова поняла:

- У меня тоже таких денег нет!

Глава третья

Историк Василь Васильич как всегда скомандовал «Смирно!» и завел наш строй в школу. А там, как всегда, пахло дымом.

– Опять тяги нет, – объяснил Василь Васильевич. – Можете не раздеваться!

Это мы и без него поняли. Втискивали в парты свои телогрейки и пыхали паром, как те еще паровозы. А Юрка Головань потыкал пером в свою «непроливашку» и весело объявил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.